

*Те, кому ведомо будущее,
никогда о нем не говорят*.*

Тэд Чан,
«История твоей жизни»

*Подо всеми жизнями, что я прожила,
созрело что-то еще. Я выросла
в нечто новое.*

Долорес Абернати,
«Мир Дикого запада»

* Пер. К. Егоровой.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ 1

ТО, ЧЕГО МОЛЧА
ЖЕЛАЛ ТЫ

18

ЧАСТЬ 2

В ЧЕРТОГАХ СВЕТА

40

ЧАСТЬ 3

У ПРЕДЕЛА

100

ЧАСТЬ 4
В ЧЕРНОМ КРУГУ
172

ЧАСТЬ 5
В СОЖРАННОМ МИРЕ
228

ЧАСТЬ 6
ПОД ОГРОМНЫМ
СТЕКЛЯННЫМ КУПОЛОМ
314

ЧАСТЬ 7
ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ
374

Жизнь началась в метель.

— Вот ведь я влипла, — ругалась Тереза Андервуд, мчась по шоссе. Стояла ночь; снег летел в лобовое стекло и укрывал дорогу белым одеялом. — Ладно бы, там, пожурил, но уволить меня — это полнейший произвол, так ведь?

Кроме нее единственным живым существом в салоне была ее верная птичка, волнистый попугай по кличке Вилма, которого Тереза привыкла всюду таскать с собой. Он сидел в клетке, пристегнутой ремнем к переднему пассажирскому сиденью, и смотрел в окно, словно гадая, в какой момент все пошло наперекосяк.

— Нет, ну и свинство, — продолжала Тереза. — Я ведь не двадцатки из кассы таскала.

— Таскала!

Если бы важнейшим критерием выбора лучшего слушателя было повторение реплик, Вилма взял бы главный приз. А вообще, этот попугай, хоть и носил женское имя, был мальчиком. Стоило мужу Терезы однажды указать на это, как она ответила: «Говард, пол — это социальный конструкт. И потом, это же, мать ее, птица».

Продолжая рулить одной рукой, Тереза закурила сигарету.

— Подумаешь, мелочь взяла, никто бы и не заметил. Но это же мой босс, дамы и господа, а круче него только яйца.

— Яйца!

Так и продолжалось: Тереза Андервуд летела сквозь снег, точно нетопырь из преисподней, а волнистый попугайчик Вилма выкрикивал «Яйца!». Девушку посреди дороги Тереза заметила только в последний момент — то ли из-за снега, то ли из-за того, что ослепла от гнева, или же потому, что — как она утверждала несколько недель спустя, выйдя из комы, — «ребенок возник прямо из воздуха». («Клянусь тебе, Говард!») Тереза резко взяла вправо, и ее ржавый фургон завалился набок. Пропахав юзом еще метров тридцать, машина вылетела с дороги и врезалась в защитное ограждение.

Вскоре по лесистой нью-гэмпширской дороге светящимся гигантским змеем в ночи протянулась пробка. Где-то в ее середине, сидя в чуть теплом салоне небольшого хетчбэка, молодой человек по имени Итан произнес: «Поверить не могу».

Элис, его жена, не ответила. Она верила, что их настигла карма — мистическое наказание от вселенной за то, что муж, не сдержав бахвальства, пообещал, что они «славно проведут время».

— Глянь еще раз в приложение.

Элис поднесла к лицу телефон.

— Связи так и нет.

— Уже и не помню, когда последний раз была такая ранняя метель, — со вздохом произнес Итан. — Но тогда мы тоже славно провели время.

Элис любила мужа, однако спустя пять лет супружеской жизни стала замечать, как список Маленьких Недостатков Итана удлиняется, выходя за пределы терпимого. Словно прочтя ее мысли, Итан достал пакетик персиковых мармеладок и, безбоянно громко хрустя, надорвал его. Сунул конфету в рот и до предела опустил спинку кресла.

— Раз уж мы застряли, то почему бы не посидеть с комфортом?

Элис кивком головы указала на его фланелевые пижамные брюки.

— Еще капля комфорта, и ты впадешь в кому.

— Женщине в твоем положении вроде как подобает терпимее относиться к повседневной одежде.

— В моем положении?

— Ты понимаешь, о чем я.

— Во-первых, я тебя почти никогда не понимаю. Во-вторых, это не повседневная одежда, милый. А в-третьих... — Она оттянула эластичный пояс брюк для беременных, невольно заметив, что те сидят уже не так свободно. — Вот это настоящая повседневка: хоть целый день носи, удобно. — Ложь. Комфортно Элис не ощущала себя уже несколько месяцев. — Весь. День. А твои штаны — только ночью. Повсеночки несчастные.

— Нет такого слова. И вообще, как ты смеешь?

— Вот именно, как я вообще на брюки перешла? — Она взяла у него из пакетика мармеладку и сунула ее в рот. На вкус конфета оказалась как пропитанная химией грязь. — Приношу извинения всем, кто носит брюки.

— Может, вместо пожизненного запаса детских полотенец с монограммами твоей маме стоило подарить тебе больше пижамно-непижамных брюк?

На заднем сиденье лежала пристегнутая ремнем стопка из двух десятков банных полотенец — с капюшонами в виде енотиков, лисичек и всевозможных диснеевских героев, — точно маленький человечек, которого скоро станут в них заворачивать.

— Это для ребенка, Итан, а не для меня. — Она резко схватилась за живот, ощутив знакомую тупую, тянущую боль.

— Все хорошо? — Итан перестал жевать и выпрямился. — Снова эти самые... Брэкстоны?

«Эти самые, Брэкстоны». А еще ученый, постыдился бы.

— Схватки Брэкстона-Хикса*, — поправила Элис, а боль тем временем отступила.

Элис выдавила улыбку, потому что знала: Итан старается, — но упаси его Бог, если ей придется еще хоть чуточку дольше ходить с животом, и упаси Бог их всех, если эта пробка не рассоется в ближайшее время.

Пора было брать дело в свои руки. Элис приспустила стекло.

— Милая? — окликнул ее Итан. — Холодно же.

Водитель пикапа на соседней полосе, едва успев поравняться с ними и застрять, начал выразительно гнуть брови и строить глазки. Элис делала вид, что ничего этого не замечает. Зато сейчас она жестом попросила водителя опустить стекло.

— Здрасьте, — сказала она.

Снег валил жирными густыми хлопьями.

— Привет, куколка.

* Ложные схватки, возникают — не обязательно — после 20-й недели беременности.

Элис изобразила мимолетную улыбку.

— У вас же есть радио? Не в курсе, что там произошло? — Она указала вперед, в голову пробки, озаренной приглушенными задними габаритами.

— Фургон перевернулся.

— Боже мой.

Водитель кивнул:

— Эт-точно.

— Далеко от нас?

— Да нет, чуть больше километра. Просто погодка эта... — Водитель подмигнул, улыбнувшись и показав крупный кусок жевательного табака, заложенного за нижнюю губу.

Элис тоже улыбнулась, подняла стекло и поднесла ладони к отверстиям воздуховода, чтобы согреться.

— Теперь мы знаем, в чем дело, — сказала она.

Итан кивнул:

— Эт-точно.

— Прекрати.

— Этот тип на тебя пялится.

Элис включила радио и нашла станцию с классическим роком. Зазвучали переливчатые ранние «Битлз». Некоторое время супруги сидели молча; они решили пока не донимать друг друга вопросами, даже не подозревая, что обоим в это время не дает покоя одна вещь, образ: люди, заживо погребенные под снегом в колонне длиной в километры.

Итан встряхнулся и сунул в рот мармеладку.

— Могла бы спасибо ему сказать.

— Что?

— Водителю пикапа.

— Да ладно тебе.

— Ты попросила сведений, и он тебе их дал. Ради тебя в такую погоду стекло приспустил...

— Знаешь что? Давай ты обменяешь эту пижаму на пару брюк для взрослого мальчика, а я залезу на крышу машины и прокричу в громкоговоритель, как я ему благодарна.

— Я с этими штанами ни за что не расстанусь.

— Однажды утром ты проснешься, а они тю-тю.

— Только вместе со мной.

— Итан.

— Чего?

Элис указала вперед, где в тридцати метрах у обочины светился билборд:

СЛЕДУЮЩИЙ СЪЕЗД: БЛАГОСЛОВЕННАЯ ЦЕРКОВЬ ВОСКРЕСШЕГО СПАСИТЕЛЯ «ИЩИТЕ, И НАЙДЕТЕ»*

Впрочем, указывала Элис вовсе не на знак. Просто на билборд, балансируя на карнизе щита, кто-то влез с баллончиком краски.

— Как думаешь, его там скоро заморозит и сдует? — хихикнув, произнес Итан. — Это как надо хотеть испортить общественную соб...

* Мф., 7:7.

Ахнув, Элис снова схватилась за живот. Дыхание участилось, а по бедрам стало расползаться влажное пятно.

— Итан...

— Черт. Так, спокойно, это же нормально, да? В смысле, время еще есть. На курсах говорили, что после этого до родов остается еще час или два...

— Твою-у-у-у-ма-а-а-а...

— Спокойно, спокойно, просто дыши, как мы учились.

— Вот только обобщать не надо... Черт! Поверить не могу, как же не вовремя.

Итан посмотрел на машину впереди. Прикинул расстояние между ней и разделительной полосой. «Буря усилилась, на обочине уже вырос сугроб. Вдруг смогу протиснуться мимо машины-другой? Только, если ошибусь на пару сантиметров, мы — в кювете...»

— Так, спокойно, — вслух произнес он. — Все будет хорошо. Главное — спокойно.

— Хватит повторять это слово.

Итан осмотрел салон, будто искал некую волшебную вырубалочку...

— Только не так, Итан, только не так...

Взгляд Итана остановился на пристегнутой ремнем стопке полотенец: лесные звери и диснеевские персонажи терпеливо ждали, когда их пустят в ход.

А в семи машинах позади Дакота Шероуз жалела, что вообще этим вечером вышла из дома. Она не знала, что хуже: пробка или свидание, которое ей предшествовало. Ладно хоть встретилась с Бобом в кинотеатре, а то бы застряла с ним тут.

Боб.

Дакота всегда придавала имени большое значение, хотя, возможно, и зря. Ее маму звали Зои, лучшую подругу — Эстель, а единственного мужчину, с которым сложились длительные отношения, — Питер. Впрочем, надо отдать Бобу должное, он нашел милейший маленький кинотеатр. Дорога выдалась кошмарная, свидание провалилось, но к самому заведению претензий не было.

Телефон не работал, и Дакота включила радио — узнать о ситуации на дороге. В этот момент из хетчбэка впереди выбрался молодой человек и, обежав машину, помог вылезти из салона женщине на позднем сроке беременности.

— Какого черта?

Пара тем временем забралась на заднее сиденье своей машины.

Завороженная, почти не ощущая холода, Дакота открыла дверцу. Пошла в тумане выхлопов к хетчбэку, на заднем сиденье которого, в ворохе детских банных полотенец с лесными животными и диснеевскими героями, лежала женщина.

Дакота постучалась в окно, и мужчина поднял на нее полный паники взгляд.

— Я акушерка, — сказала Дакота.

Итан, вернувшись на водительское место, делал все, что было в его силах (то есть почти ничего): держал жену за руку, когда она просила; отпускал, когда она просила; взволнованно подбадривал ее.

— Итан, — сказала Элис, сжимая его руку в потной ладони. — Обогрев.

Итан отрегулировал температуру в салоне и уже собирался снова обернуться к жене, но тут что-то привлекло его внимание. Оскверненная надпись на щите теперь гласила:

СЛЕДУЮЩИЙ СЪЕЗД: ~~БЛАГОСЛОВЕННАЯ ЦЕРКОВЬ~~ ~~ВОСКРЕСШЕГО СПАСИТЕЛЯ~~ ВПЕРЕД, СТРАННИЦА «ИЩИТЕ, И НАЙДЕТЕ»

А на раме билборда стояла, глядя прямо на него, девушка. Совсем молодая, подросток. Ветер трепал ее волосы. Она улыbnулась, глядя на Итана пламенными голубыми глазами, спустилась по лестнице и убежала в лес.

Несколько часов спустя, уже в другом месте, когда на смену ангелу-акушерке пришли усталые медсестры и доктора, Элис держала на руках туго запеленутую здоровую малышку.

— Уж больно она спокойная, — заметила она.

И правда: ребеночек не спал, но тихо смотрел на родителей. А у Итана возникло необъяснимое впечатление, что эти глаза он видит уже не первый раз за ночь.

ЗАГТБ 1

**ТО, ЧЕГО
МОЛЧА
ЖЕЛАЛ ТЫ**

ЭТИМОЛОГИЯ

Много лет назад, пока рассказам отца еще можно было верить, а их смысл не исчез, как таблетка сахарозаменителя в остывшем чае, Нико забиралась к нему в кресло и, устроившись у него на коленях, слушала, как он читает «Мило и волшебную будку»*, «Вечный тук»** или другую книгу из сотен хранившихся в уютной и чуть сырой библиотеке Сельского Дома. Даже сейчас, даже здесь она еще улавливала запах отцовской бороды, ощущала жар от растопленного камина, слышала, как он читает, сглатывая поминутно слюну, и думала: не вторая ли это жизнь? Не то чтобы новое место, а некий замкнутый круг, в котором после смерти дают проживать все заново. Погруженная в рассказ, в отцовском кресле — в отцовских объятиях, — Нико надеялась, что это все же вторая жизнь.

А так ли это, она, наверное, скоро узнает.

* Детская сказка Нортон Джастера (1961 г.) с элементами обучения языку.

** Подростковый роман Натали Бэббит (1975 г.) про девочку по имени Винни, которая от скуки сбегает из дома в глуши в лес и там знакомится с семейством Тук.

Созвездия

Нико всматривалась в огонь. Рядом лежал Гарри; они уже давно дышали в одном ритме, и со стороны, наверное, — в который раз подумала Нико — походили на единое существо, которым стали в какой-то момент между вчерашним и сегодняшним днем. В своем стремлении выжить девочка и пес слились в новое космическое создание. Телепатическая связь между ними, возможно, была всегда, просто дремала неглубоко, а чтобы разбудить ее, пришлось покинуть Сельский Дом и пуститься в странствие по лесу.

Их окружала чаша: через каждые несколько шагов, пробив землю, в небо устремлялся древесный ствол, и там, в вышине, он словно бы раскинул руки-ветки, искал братьев и сестер. Ловил во тьме тихие слова утешения: «Я тут, ты не один».

От мысли о говорящих деревьях в животе у Нико потеплело.

Она достала из сумки ручку и фонариком посветила себе на тыльную сторону ладони. На коже между большим и указательным пальцами синела полоска. По солнцу Нико отмеряла время, по компасу определяла направление, а по этой линии отсчитывала дни.

Вот рядом с первой черточкой она поставила вторую.

Минуло два дня.

Если верить карте, то река Мерримак протянулась от Нью-Гэмпшира до Массачусетса на добрых полторы сотни километров, а после впадала в Атлантику. В таких масштабах о лесе думать было легче: собственное перемещение казалось едва заметным, а цель — ближе, чем была на самом деле. Если поддерживать прежний темп, то к реке Нико выйдет на четвертой отметке и еще через четыре окажется в Манчестере.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru